

МАРТЫНЕНКО Лариса Борисовна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Larisa B. MARTYENKO

Cand. Sci. (Folklore Studies), Assoc. Prof., Department of the History of Russian Literature, Literary Theory and Criticism, Kuban State University, Krasnodar, Russia
pavel_lider@mail.ru

СОСНИНА Екатерина Васильевна

студентка 3 курса филологического факультета Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия

Ekaterina V. SOSNINA

3rd year Bachelor Student, Philological Faculty, Kuban State University, Krasnodar, Russia
sosnina.ekaterinka@bk.ru

**Народнопоэтическое изображение
образа ангела
в сказках А. М. Ремизова**

В статье рассматривается образ ангела в трех сказках А. М. Ремизова: «Красочки» («Посолонь»), «Весенний гром» и «Ангел-хранитель» («К морю-океану»). Писатель всю жизнь занимался исследованием русской фольклорной традиции: собирал произведения народного творчества на Русском Севере, тщательно изучал фольклорно-этнографические труды и сборники. Отмечается, что в его творчестве присутствуют как развернутые описания народных игр и обрядов, которые нередко взаимодействуют, так и особые, давно забытые слова-метафоры, составляющие богатство мифопоэтического мышления. Ангел

**Folk Poetic Description
of an Angel in the Tales
by A. M. Remizov**

In the article the image of an angel in the three tales of A. M. Remizov: «Krasochki» («Posolon»), «Spring Thunder» and «Guardian Angel» («To the Sea-Ocean») is considered. The writer spent his whole life studying the Russian folklore tradition. He collected works of folk art in the Russian North, carefully studied folklore and ethnographic works and collections. It is noted that in his work there are both detailed descriptions of folk games and rituals which often interact as well as special, long-forgotten words-metaphors that make up the richness of mythopoetic thinking. An angel in the tales by of A. M. Remizov, appears not only as a representative of the higher

в сказках, принадлежащих перу А. М. Ремизова, предстает не только в качестве представителя высших небесных сил, но и в роли носителя народных представлений об устройстве мироздания. Делается вывод, что, глубоко освоив фольклорно-этнографическую традицию, писатель творчески подходит к изображению библейского персонажа: удачно сочетает христианскую трактовку образа ангела с его народнопоэтическим истолкованием.

Ключевые слова: сказка, ангел, миф, народная игра, народные поверья, Начала, апокрифические сказания, Троица, легенда, молитва, фольклорно-этнографическая традиция.

Сказка серебряного века представляет собой уникальное явление отечественной культуры начала XX столетия, требующее еще основательного исследования. По верному замечанию Т. Берегулевой-Дмитриевой: «Обращение писателей серебряного века к литературной сказке было обусловлено притягательностью эстетики чуда и тайны, свойственной этому жанру, возможностью создать свой миф, проявить изощренность мысли и фантазии» [9, с. 11]. Увлечение русских прозаиков мифологией способствовало их глубокому освоению устного народного творчества. В «Письме в редакцию» от 29 августа 1909 г. А. М. Ремизов пишет: «Работая над материалом, я ставил себе задачу воссоздать народный миф, обломки которого узнавал в сохранившихся обрядах, играх, колядках, суевериях, приметах, пословицах, загадках, заговорах и апокрифах» [7, с. 607]. Еще в детские годы любивший народную сказку, старинные хоры и игры на Чистых прудах, Ремизов всю жизнь продолжал исследование фольклорной традиции: собирал произведения народного творчества на Русском Севере, тщательно изучал фольклорно-этнографические труды и сборники А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, Д. К. Зеленина, Е. В. Аничкова, Н. Е. Ончукова и других. Вот почему ремизовские сказки отличаются этнографизмом и особым поэтическим отображением окружающего мира, свойственным народной поэзии.

Представляется интересным раскрыть образ ангела в сказках Ремизова, к которому писатель обращается неоднократно, тем бо-

heavenly forces, but also in the role of the bearer of the people's ideas about the structure of the universe. It is concluded that after deeply mastering the folklore ethnographic tradition, the writer creatively approaches to the imaging of the biblical character and successfully combines the Christian interpretation of the image of the angel with his folk-poetic interpretation.

Keywords: tale, angel, myth, folk game, superstition, the Principalities, apocryphal stories, (Holy) Trinity, legend, prayer, ethnographic tradition.

лее, что сказки «Весенний гром» и «Ангел-хранитель» из сборника «К морю - океану» все еще недостаточно изучены.

Календарно-обрядовая образность, которая легла в основу книги Ремизова «Посолонь», формировалась под влиянием особой временной модели, которая была понятна народу. Сборник Ремизова имеет ряд особенностей. В нем можно увидеть как развернутые описания народных игр и обрядов, которые нередко взаимодействуют, так и особые, давно забытые слова-метафоры, составляющие богатство мифопоэтического мышления. Так,

*Роспись стены у входа
в Михайловский Златоверхий монастырь.
Фрагмент (Украина. Киев)*

Адольф-Вильям Бугро (Adolphe-William Bouguereau). Песня ангелов, 1881 г.
Холст, масло (Музей Мемориального парка Форест-Лаун,
Глендейл, Калифорния, США)

например, слова «красочки», «краски» означали цветок, либо цветы. «Посолонь» является началом или частью общерусского литературного процесса возвращения к национальным корням. Основным практическим содержанием этого процесса является обращение писателя к русскому и славянскому фольклору, мифологии, религиозным представлениям («народному православию»). Ремизов использует слово «посолонь» в значении смены времен года «по солнцу». Композиция сборника основывается на годовом календарном круге.

Сказка «Красочки» открывает игровую серию «Посолони», включающую в себя пять сюжетов и целиком сосредоточенную в рамках весеннего цикла. Миниатюра представляет собой вдохновенное описание игры, сделанное наблюдателем – взрослым человеком, который любит детей-цветами. Образ ребенка, представляемого в виде ангела – прямая отсылка к легенде, согласно которой ангелы являются душами умерших невинных детей. Автор целиком захвачен стихией игры, ритмом этого цветочного карнавала, в котором действие переходит справа налево – с «тихой» площади Ангела на «веселую» территорию Беса, которая в полном соответствии со смыслом игры более всего интересна автору.

Правила игры объясняются автором в примечании: «Играют в “Красочки” так: выбирают считалкой Беса и Ангела, остальные называют себя каким-нибудь цветком; названия цветов объявляют Ангелу и Бесу, не говоря, кому какой цветок принадлежит. Ангел и Бес должны будут сами разобрать цветы... Играющие составляют две партии – цветы Ангеловы и цветы Бесовы. Ангел приступает к исповеди, а Бес со своей партией искушает-рассмеивает» [9, с. 109].

Следует отметить, что дети, исполняющие роли Ангела и Беса, стремятся точно соответствовать этим персонажам. Если Бес прибегает при стуке колотушки, шалит и тормозит «цветочки», то Ангел прилетает со звуком колокольчика: «Тихо у Ангела. Ангел смотрит серьезно, исповедует» [9, с. 34]. Игра заключается в том, чтобы рассмешить цветы. Кто засмеется — идет к Бесу. Победителем может быть, как Ангел, так и Бес, но в данном случае побеждает Бес, потому что это весенний текст, здесь иначе быть не может.

Эта игра была широко распространена в детской среде, существуют ее многочисленные записи, в том числе и в северорусских вариантах. Ремизов отразил игру в духе народнопоэтической традиции и придал ей новое звучание. Игра переходит во всеобщее веселье, в котором участвуют не только цветы и дети, но и ангелята и бесенята, на этот раз «настоящие». Совершенно в духе фольклорной традиции «прибежало откуда-то семь бесенят, и еще семь бесенят, и еще семь». Будто проказливые ребятишки, резвились бесенята, а потом совсем помяли, замучили цветочки. И тут на помощь пришел Ангел, он

«поднялся с горки, поманил белым крылышком темную тучку» [9, с. 35]. Пошел дождик, и цветочки попили досыта. «Ангел увидел, что цветочкам довольно водицы, махнул белым крылышком, сказал тучке: “Будет, тучка, плыви себе”» [9, с. 35]. И вот тут «ангелята явились, устроили радугу». Возникает картина всеобщей одухотворенности мира, гармонии, красоты и добра. Одна игра незаметно перетекает в другую, и «красочки» сменяются «горелками». Если в прошлой игре победили бесенята, то здесь более проворными оказались ангелята. Проигравшие бесенята «покрутились – повертелись, показали ангелятам шишки, да и рассыпались по полю» [9, с. 35]. На Кубани бытует очень интересная поговорка «Не так Бог, как боженята, не так черт, как чертенята <бесенята>» [6, с. 50], где главная смысловая антитеза – взрослые и дети. В ремизовской сказке добрый серьезный Ангел повелевает тучкой, ангелята же,

устроив радугу, вовлекаются в детскую игру вместе с цветочками.

В сказке «Красочки» народная детская игра сменяется чудесным мифом, где главная роль отводится Ангелу как повелителю небесных природных явлений. Эта идея особенно ярко реализуется в сказке Ремизова «Весенний гром» из книги «К морю-океану».

Сказка-миниатюра «Весенний гром» основана, как указывает в примечаниях А. М. Ремизов, на народном поверье: «когда гремит гром, ангелы по мосту едут» [9, с. 189]. Сказка открывается поэтической картиной: Белые Божьи ангелы едут по мосту в белых сосновых повозках, на которых «воз полевых цветов, целый воз кудрявых молоденьких березок». Вполне бытовая, реалистическая зарисовка – «плавно катят колеса, не скрипят: смазаны дегтем» – сменяется сказочно-мифологическим описанием чудесного поводыря ангелов: «И прямо по пути на грозный перекрест, где расходятся дороги Солнца, Земли и Месяца, твердо ступая на глухих железных ногах, их ведет поводырь – орлокрылая птица Главина: женские длинные волосы спущены ей на глаза, а из глаз, ровно льются, летят стрелы. Оттого так и гремит кругом» [9, с. 133]. Как известно, в христианской мифологии существует девять ангельских чинов: «По классификации Псевдо-Дионисия, начала входят в состав третьей триады наряду с архангелами и собственно ангелами» [10, с. 102].

Ремизов в примечании к своей сказке указывает, что «Главина птица – третий ангельский чин Начала, ангелы, низводящие дождь на землю» [9, с. 189]. Очевидно, он опирается на книгу И. Порфирьева «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях», где о Началах сказано так: «Третий чин составляют Начала. Их служение состоит в том, чтобы носиться в облаках, по слову пророка Давида, и низводить дождь на землю. Все изменения в атмосфере, дождь, град, снег, пыльные и кровавые дожди производятся ими. Им также принадлежат громы и молнии» [5, с. 171].

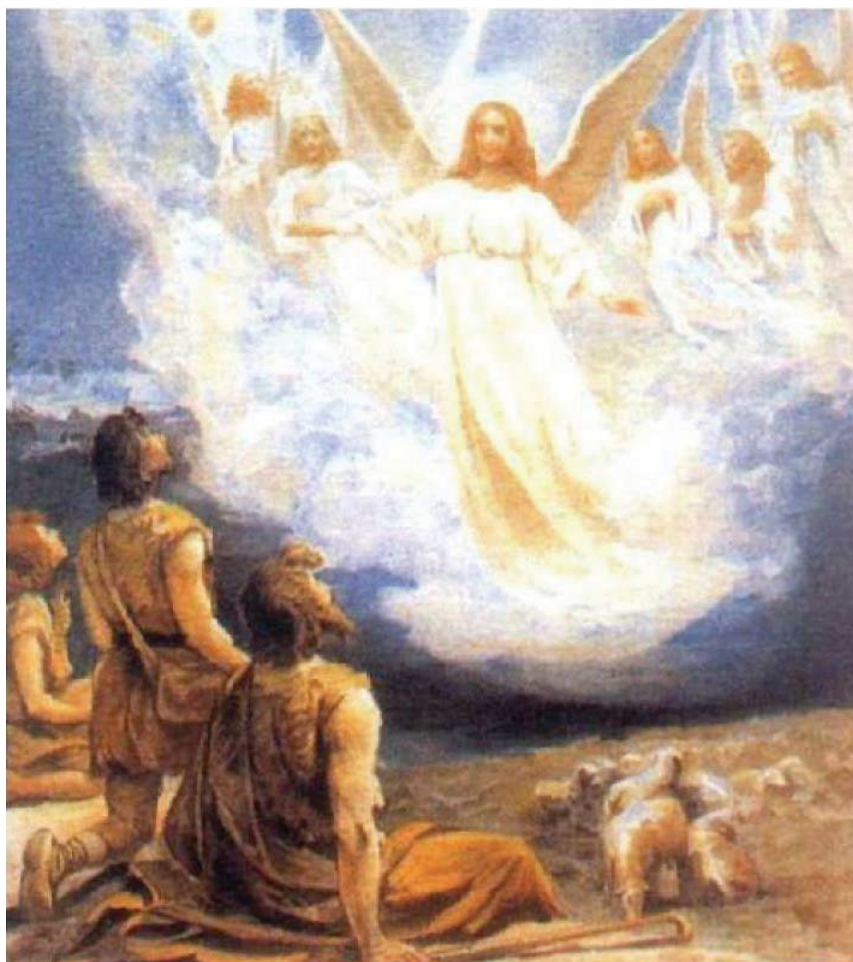
В сказке «Весенний гром» нет детального описания собственно ангелов, но дается оригинальное авторское представление о третьем ангельском чине – Началах. Воз-

*Анри Декайсне (Henri Decaisne),
Ангел-хранитель, 1836 г. Холст, масло (Королевский музей изящных искусств, Антверпен,
Нидерланды)*

можно, облик птицы Главини навеян представлениями о мифической птице Феникс: «Внешне эта птица напоминает орла, ее перья – красно-золотые» [10, с. 638]. Ангелам дважды адресован вопрос: «Белые Божие, куда вы поехали?». Завершается сказка их весьма замечательным ответом: «А поехали мы, ангелы, со цветами-колокольчиками и с кудрявыми березками на седьмое небо к Богу справлять Троицу» [9, с. 133]. В книге «Мифы Украины» Г. Булашева говорится, что: «Множественность небес известна с первых веков христианства... “Завещания 12 патриархов” и “Хождение Исая на небо” насчитывают семь небес» [11, с. 218]. Г. Булашев отмечает, что именно о семи небесах писали и южно-русские ученые-проповедники XVII столетия, «черпая научные сведения из средневековых схоластических источников» [11, с. 218]. В народном представлении седьмое небо – это Рай, именно там будут ангелы справлять Троицу – двенадцатый праздник православного календаря, отмечаемый на пятидесятый день после Пасхи: «В народном календаре Троица воспринималась как праздник растительности, а ее символом была березка. С ветками этого дерева, а иногда и целыми молодыми деревцами совершали обходы засеянных полей, сел, изб. Зеленью украшали дома и внутри и снаружи» [8, с. 760].

Итак, народнопоэтическая трактовка библейских мотивов и образов в данной сказке способствует созданию замечательной картины весеннего обновления природы во время грозы накануне светлого христианского праздника, «ибо в этот праздник воспоминается и прославляется сошествие на апостолов Святого Духа в виде огненных языков» [2, с. 280].

К. В. Лебедев, Ангельское славословие в момент рождения Спасителя, вторая половина XIX в. Холст, масло

В сказке «Ангел-Хранитель» образ Божьего посланника индивидуализирован – это тихий ангел, который прилетел «звездной ночью неслышно по полетному облаку». Однако он осознает себя частью единого небесного сонма: «Мне пора, – сказал ангел, – нас триста ангелов солнце вертят, а уж заря» [9, с. 146], это поверье об ангелах приводится в книге И. Порфирьева. Сюжет данной сказки очень прост: путники заблудились в лесу и, увидев ангела, решили обратиться к нему за помощью. Образ ангела здесь неоднозначен и во многом фольклористичен. Несмотря на то, что ангел – это представитель высших небесных сил и является больше героем библейских сказаний, нежели фольклорным персонажем, он все же хорошо вписывается в данный сюжет. Запутавшие путники рассказывают ангелу о том, что Леший запутал их, сбил с верного пути, и

они не могут отыскать дорогу домой. Согласно славянской мифологии, Леший является хранителем леса. Он может менять облик, но чаще всего его видели в образе старика с длинной бородой. Иногда Леший помогал заблудившимся, но в данной сказке путники обидели его, съев землянику, и дух леса решил подшутить над ними. Ангел спасает детей, выводит их на дорогу, а затем обращается к Лейле. В их диалоге мы видим отражение мировоззрения русского народа, его представление об устройстве вселенной, о цикличности времени. Крестьяне не знали, каким образом день сменяет ночь, на смену зиме приходит весна и откуда берутся звезды.

Христианизация Руси изменила сознание людей, но не вытеснила из их умов старые обычаи и поверья. На смену богу солнца Ярило пришли ангелы, которые вертели солнце. «Помнишь ты или не помнишь, – сказал ангел безугрознице Лейле, – а когда родилась ты, Бог прорубил вон то оконце на небе: через это оконце всякий час я слежу за тобой. А когда ты умрешь, звезда упадет [9, с. 146]. В «Поэтических воззрениях славян на природу» А. Н. Афанасьева по этому поводу сказано так: «Небо, по народному выражению, – терем божий, а звезды – окна, из которых смотрят ангелы. Связывая это представление с верой в зависимость судьбы человеческой от звезд поселяне наши утверждают: как только народится человек, то Господь тотчас же велит прорубить в небе окошечко и посадит к нему ангела наблюдать за делами и поступками новорожденного в продолжение всей его жизни; ангел смотрит и записывает в книгу, а людям кажется, что то звезда светится. А ког-

да человек умрет – окно запирается и звезда исчезает – падает с неба» [1, с. 166-167]. Итак, ремизовский ангел рассказывает Лейле народную легенду о звездах, и это неспроста: ведь они идут ночью по лесу, и «много в ночи по небу Божьих огней» [9, с. 146]. Маленькая девочка задает ангелу вопрос, который всегда волновал человечество: «А когда конец света?» Он отвечает: «Когда перестанет петь Петух-будимир». «Золотой гребешок?», – уточняет Лейла. А. Н. Афанасьев в «Поэтических воззрениях славян на природу» пишет, что особенно знаменательны в народе поверья о петухе. «Петух – птица, приветствующая восход солнца; своим пением он как бы призы-

Мельхиор-Поль фон Дешванден
(Melchior Paul von Deschwenden) Ангел-хранитель,
оберегающий спящего ребенка, 1859 г. Холст, масло.

вает это животворящее светило, прогоняет нечистую силу мрака и пробуждает к жизни усыпленную природу. Малоруссы дают ему характеристичное прозвание: «будимир» [1, с. 500]. И далее: «Когда петух перестанет петь, тогда наступит кончина мира; голос его уже не вызовет солнца и вселенной овладеет нечистая сила мрака и холода, на земле воцарится вечная зима [1, с. 504]. «Петушок золотой гребешок», по древним верованиям, воплощал в себе сварожий свет. Ангел знал его, потому что этот петух был похож на него, они были чем-то сродни друг другу. Не случайно Ремизов упоминает о нем в своей сказке, тем самым соединяя героя языческих сюжетов с героем библейских.

Очень интересен и следующий вопрос Лейлы, основанный на народных поверьях: «А правда, будто ворон в великий четверг купается в речке и все его воронята?» [9, с. 146]. Известно народное поверье: «Ворон купает детенышей своих в великий четверток и приносит для этого воду в гнездо свое в выеденном яйце». [4, с. 100]. Имеется ввиду Великий четверг Страстной недели, последней перед Пасхой. В ремизовской сказке воронье семейство купалось в речке «третьего года – у Волосяного моста».

Последний вопрос девочки: «А земля... земля тоже ходит?» также навеян народными поверьями: «По мнению крестьян, звезды созданы Богом для освещения земли и устроены так, что свободно могут перемещаться с одного места на другое. [8, с. 59]. Согласно народным представлениям дан и ответ ангела: «На железных гвоздях». Ведь известно, что «в

космологических представлениях звезды уподобляются также гвоздям в куполе неба» [10, с. 59]. Маленькая Лейла, глядя в звездное небо, осознает и себя на такой же звезде – земле. После этого она говорит, что хотела бы сделать мученицей. Ее светлые мечты прерывает ангел, который отлетает по облаку «вертеть солнце».

Итак, очевидно, что ангел в данной сказке передан в народнопоэтической традиции: он знает все народные поверья и легенды об устройстве вселенной. Заканчивается сказка молитвой, обращенной к Ангелу-хранителю: «Ангел Божий, ангел наш хранитель, сохрани нас, помилуй с вечера до полуночи, с полуночи до белого света, с белого света до конца века!» [9, с.146]. Следует отметить, что это не каноническая, а народная молитва, напоминающая заговорную формулу. Подобную молитву приводят составители «Словаря русских суеверий»: «Ангел мой, хранитель мой! Сохрани мою душу, укрепи мое сердце на всяк день, на всяк час, на всяку минуту. Поутру встаю, росой умываюсь, пеленой утираюсь Спасова Пречистого образа. Враг-сатана, отшатнись от меня на сто верст – на тысячу, на мне есть крест Господен!» [3, с. 18].

Таким образом, проанализировав образ ангела в трех сказках А. М. Ремизова, можно сделать вывод, что, опираясь на фольклорные тексты, глубоко освоив саму фольклорно-этнографическую традицию, писатель создает самобытный образ библейского персонажа: удачно сочетает христианскую трактовку образа ангела с его народнопоэтическим истолкованием.

Использованная литература:

1. Афанасьев А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу. М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1.
2. Времена года. Православный народный календарь / сост. Вл. Соколовский. Пермь: Урал-Пресс, 1991.
3. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: Русский купец; Братья славяне, 1995.
4. Даль В. И. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб.: Литера, 1994.
5. Порфирьев И. Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. Казань: Универ. типография, 1872.

References:

1. Afanas'ev, A. N., *Mify, pover'ya i sueveriya slavyan. Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu* (Myths, Popular Beliefs and Superstitions of the Slavic Peoples. Poetic Outlook of the Slavic People on the Nature), vol. 1, Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Terra Fantastica, 2002,
2. *Vremena goda. Pravoslavnyy narodnyy kalendar'* (Seasons. The Orthodox Popular Calander), Sokolovskiy, V., Comp., Perm': Ural-Press, 1991.
3. Grushko, E. A. and Medvedev, Yu. M., *Slovar' russkikh sueveriy, zaklinaniy, primet i poveriy* (Dictionary of the Russian Superstitions, Signs, Incantations and Popular Beliefs), Nizhniy Novgorod: Russkiy kupets; Brat'ya slavyane, 1995.

6. Пословицы, поговорки и загадки Кубани / сост. Л. Б. Мартыненко, И. В. Уварова; под ред. Л. А. Степанова. 2-е изд. Краснодар: КубГУ, 2000.
7. Ремизов А. М. Собрание сочинений. Докука и балагурье. М.: Русская книга, 2000. Т. 2.
8. Русская мифология. Энциклопедия. / сост. Е. Мадлевская. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006.
9. Сказка серебряного века: сборник / сост. и коммент. Т. Берегулевой – Дмитриевой. М.: ТЕРРА, 1994.
10. Энциклопедия сверхъестественных существ / авт.-сост. Кирилл Королев. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2007.
11. Міфи України: за книгою Георгія Булашева «Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях» / пер. Ю. Буряка. Київ: Довіра, 2006.
4. Dal', V. I., *O poveriyakh, sueveriyakh i predrassudkakh russkogo naroda* (On Popular Beliefs, Superstitions, and Prejudices of the Russian People), Saint Petersburg: Litera, 1994.
5. Porfir'ev, I., *Apokrificheskie skazaniya o vetkhozavetnykh litsakh i sobytiyakh* (Apocryphal Stories about Old Testament Persons and Events), Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1872.
6. *Poslovitsy, pogovorki i zagadki Kubani* (Kuban Proverbs, Sayings and Riddles), Martynenko, L. B. and Uvarova, I. V. , Comp., Stepanov, L. A. , Ed., Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2000, 2nd ed.
7. Remizov, A. M., *Sobranie sochineniy. Dokuka i balagur'e* (Collected Works. Dokuka i Balagurye), vol. 2, Moscow: Russkaya kniga, 2000.
8. *Russkaya mifologiya. Entsiklopediya* (Russian Mythology. Encyclopedia), Madlevskaya, E., Comp., Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Midgard, 2006.
9. *Skazka serebryanogo veka: (Silver Century Tales)*, Bereguleva-Dmitrieva, T., Comp., Comm, Moscow: TERRA, 1994.
10. *Entsiklopediya sverkhъestestvennykh sushchestv* (The Supernatural Creatures Encyclopedia), Korolev, K., Comp., Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Midgard, 2007.
11. *Mify Ukrainy: za knyhoju Heorhiya Bulasheva "Ukrayins'ky narod u svoikh lehendakh, relihiynykh pohlyadakh ta viruvannyakh"* (Myths of Ukraine: According to George Bulashev's book "The Ukrainian People in Their Legends, Religious Views and Beliefs"), Buryak, Yu., Transl., Kiyiv: Dovira, 2006.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Мартыненко, Л. Б. Народнопоэтическое изображение образа ангела в сказках А. М. Ремизова [Электронный ресурс] / Л. Б. Мартыненко, Е. В. Соснина // Наследие веков. – 2017. – № 4. – С. 62-69. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Martynenko_Sosnina.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Martynenko, L. B. and Sosnina, E. V., *Narodno poeticheskoe izobrazhenie obraza angela v skazkakh A. M. Remizova* (Folk Poetic Description of an Angel in the Tales by A. M. Remisov), *Nasledie Vekov*, 2017, no. 4, pp. 62-69. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Martynenko_Sosnina.pdf. Accessed Month DD, YYYY.